

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 30

УДО 409

Мурат Карадениз

18+

ПАЗЛ

Мурат Карадениз

УДО 409

«Автор»

2026

Карадениз М.

УДО 409 / М. Карадениз — «Автор», 2026 — (ПАЗЛ)

Адвокат Евгений Ковалёв получает на подпись очередное дело об условно-досрочном освобождении. Рутинная бумага, каких сотни. Но одна деталь заставляет его копнуть глубже: все заключённые, которых судья Лаврентьев выпускал по УДО за последние три года, умерли в течение года после освобождения. Семь смертей. Семь конвертов с одним и тем же номером — 409. Евгений начинает собственное расследование и быстро понимает: он наткнулся на систему, которую создали, чтобы заметать следы. Кто-то методично уничтожает свидетелей, и следующий в списке уже на свободе. С каждым шагом Евгений приближается к правде. Но правда оказалась страшнее, чем он мог представить. Номер 409 — это не просто цифры. Это код. Это ключ к тайне, которую пытались похоронить пятнадцать лет. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ПЫЛЬ НА ПАПКЕ	10
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

УДО 409

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Томск встретил его мокрым снегом и желтым светом фонарей, размазанным по лужам, как масло по воде. Илья Савельев вышел из такси, задержался на секунду, подставив лицо ветру. Пахло весной — сырой землей, прелыми листьями, чем-то тяжелым и влажным, что висело в воздухе последние два дня, не решаясь превратиться в дождь или снег. В марте в Томске всегда так — середина между зимой и весной, когда не знаешь, как одеться, когда дороги превращаются в кашу из слякоти, когда ветер выдувает тепло из одежды и въедается в кости.

Савельев поправил воротник куртки и пошел к подъезду. Улица Кузнецова была старой, с деревянными домами в начале и панельными пятиэтажками в конце. Его дом стоял почти на перекрестке, второй от угла, с облезшей краской на фасаде и надписью «Стоп-кран» на почтовом ящике, выцарапанной кем-то из подростков еще в девяностых. Он жил здесь двадцать лет, до того как сел. Потом, после освобождения, вернулся. Квартира все та же — двушка на третьем этаже, в которой он вырос, потом женился, потом развелся, потом сел.

Сейчас он жил один.

Таксист уже уехал, оставив после себя только запах дизеля и клубы пара из выхлопной трубы. Савельев подошел к двери подъезда, толкнул ее плечом — ручка давно была сломана, и она открывалась только с третьего раза, если знать, куда давить. Он знал. Железо лязгнуло, дверь поддалась, и он шагнул в темноту.

В подъезде пахло сыростью, кошками и дешевым табаком. Лампочка на первом этаже горела вполнакала, разбрасывая жалкие пятна света по полу, покрытому серой плиткой, местами треснувшей. Лифт не работал, как обычно, — трос оборвали еще в прошлом году, и никто не собирался его чинить. Савельев начал подниматься по лестнице, держась за перила, которые шатались от малейшего прикосновения.

Перед тем как войти в подъезд, он достал телефон.

Сообщение пришло за минуту до того, как он вышел из такси. Он видел его на экране, когда расплачивался с водителем, но решил прочитать потом. Потом он стоял у подъезда, держа телефон в руке, и читал. Странное сообщение. С неизвестного номера, который не был сохранен в контактах, но который почему-то показался ему знакомым.

Он перечитал его трижды, стоя у открытой двери, пока ветер хлестал снежной крупой по лицу.

«Ты не выйдешь. Ты уже мёртв, Илья».

Он не понял. Розыгрыш? Ошибка? Кто-то из знакомых решил пошутить? Но в голосе, которым звучали слова в его голове, не было смеха. Там была тишина. Такая же, как в подъезде, куда он только что вошел.

Савельев сунул телефон в карман и пошел вверх.

Он знал этот подъезд наизусть. Каждая ступенька была знакома — на второй площадке выщерблена плитка, на третьей пахнет плесенью, потому что соседи сверху залили квартиру год назад, и стены до сих пор не просохли. Он поднимался медленно, тяжело дыша — курить бросил, но легкие уже не те, годы работы на заводе и табак сделали свое дело.

На площадке второго этажа он задержался. Казалось, он услышал шаги сзади. Где-то внизу, у входа. Он обернулся, но никого не увидел. Только та же полумгла, тот же желтый свет лампочки, отбрасывающий длинные тени на стены.

— Есть кто? — спросил он, но голос прозвучал глухо, как в вату.

Никто не ответил.

Савельев покачал головой. Нервы. Три года в колонии делают свое — ты начинаешь слышать шаги там, где их нет, видеть тени, которые не двигаются. Он поднялся на третий этаж, достал ключи.

Дверь его квартиры была старой, с облупившейся краской и замком, который он менял трижды, но который все равно заедал в сырую погоду. Он вставил ключ, повернул, толкнул плечом. Дверь открылась, и он шагнул внутрь.

Свет он не включил.

Была привычка — заходить, закрывать дверь, постоять в тишине, прислушаться. В колонии это стало рефлексом. Остановиться, замереть, понять, что вокруг безопасно. Он так делал каждый раз, возвращаясь в свою квартиру. Пять секунд тишины, запах старой мебели, пыли и чего-то, что осталось от прошлой жизни.

Он закрыл дверь, щелкнул замком, задвинул засов.

И замер.

В квартире кто-то был.

Илья Савельев не мог объяснить, как он это понял. Ни звука, ни движения, ни света. Просто воздух был другим. Более плотным, что ли. Более тяжелым. И пахло — не квартирой, а чем-то чужим. Табаком, который он не курил. И еще чем-то холодным, металлическим, как запах монет.

Он стоял в прихожей, в темноте, и слушал.

Сердце колотилось в груди, и он чувствовал, как пульс отдается в висках, в пальцах, в горле. Он сделал шаг вперед, нащупывая выключатель на стене, но пальцы прошли мимо, скользнули по обоям.

— Кто здесь? — спросил он, и голос сорвался, стал хриплым.

Тишина.

Он сделал второй шаг, уже в коридор, ведущий в комнату. В темноте он видел только очертания — дверной проем, шкаф у стены, вешалка с пальто, которое он не носил уже два года.

И тут он услышал дыхание.

Сзади.

Из глубины комнаты, где было темнее, чем в прихожей, раздался тихий, ровный выдох. Кто-то дышал в темноте. Не тяжело. Не испуганно. Спокойно. Как будто ждал.

Савельев развернулся, но было слишком поздно.

Он не видел, что произошло. Только удар — глухой, сильный, в основание черепа. Не больно, скорее холодно, и темнота вокруг стала еще темнее, как будто кто-то выключил свет во всем мире. Он упал лицом вниз, ударился головой о паркет, и в последнее мгновение увидел — тень. Она стояла над ним, большая, черная, неподвижная.

Он хотел сказать что-то, но не смог.

Воздух ушел из легких, и сознание померкло.

В квартире снова стало тихо.

Тень стояла над телом, не двигаясь. Секунда, две, три. Затем она наклонилась, проверила пульс — два пальца на шее, чуть ниже челюсти. Пульса не было.

Человек в сером пальто выпрямился, поправил воротник, одернул рукав, на котором не было ни капли крови. На лице — ни злости, ни сожаления, ни эмоций вообще. Обыкновенное лицо мужчины средних лет. Серые глаза, короткая стрижка, темные брови. Человек, который мог бы быть учителем географии, бухгалтером, дворником. Ничего примечательного.

Он прошел в комнату, обошел тело, не наступив на кровь, которая начала растекаться по паркету тонкой струйкой из-под головы Савельева. Прошел к столу, стоявшему у окна. Задержался на секунду, глядя на улицу — фонари, лужи, пустая дорога.

Затем он достал из внутреннего кармана пальто лист бумаги. Обычный лист формата А4, не сложенный, без конверта. Положил его на стол, аккуратно, ровно, так, чтобы было видно с порога.

Решение суда об УДО.

Подпись: *Лаврентьев И.П.*

Номер дела: 409.

Внизу, под подписью, было пустое место. Человек посмотрел на него, потом перевел взгляд на тело Савельева.

— Ты должен был молчать, — сказал он негромко, почти шепотом, но в голосе не было злости. Констатация факта.

Он повернулся и пошел к выходу. В прихожей задержался на мгновение, глядя на телефон, лежащий на полу у самого порога. Экран все еще светился. Стекло было треснуто — Савельев уронил его, когда падал.

Сообщение на экране застыло: «Ты не выйдешь. Ты уже мёртв, Илья».

Человек не тронул телефон. Не стер сообщение. Не убрал его. Оставил так, как есть.

Он открыл дверь, вышел на лестничную площадку, прикрыл дверь за собой, не захлопывая. Спустился по лестнице бесшумно, ступая так, что даже старые ступеньки не скрипели. Вышел из подъезда, прошел мимо фонаря, поднял воротник, засунул руки в карманы.

На углу он остановился, достал телефон, напечатал короткое сообщение.

«Готово. Следующий через две недели».

Отправил.

Убрал телефон, повернул за угол и исчез в темноте, растворился в мокром мартовском вечере, как будто его и не было. Только запах табака остался на мгновение в воздухе — сигаретный дым, смешанный с холодом и сыростью, — но ветер унес и его.

В квартире Савельева было темно и тихо.

Тело лежало на полу, лицом вниз, руки раскинуты в стороны. Кровь уже перестала растекаться, она застыла в пористом старом паркете, въедаясь в дерево темно-бордовым пятном. На столе лежал лист бумаги, белый, нетронутый, как единственное светлое пятно в этой темноте.

Но на полу, у порога, все еще горел телефон.

Экран не погас, потому что кто-то нажал на кнопку блокировки, и сообщение осталось открытым. Текст на экране мерцал ровным белым светом, и видно было время отправки. 23:39.

За минуту до смерти.

Сообщение было отправлено с номера, которого не существовало в базе оператора. Тот номер, с которого оно пришло, зарегистрирован не был. Ни на кого. Нигде. Как будто сообщение пришло из пустоты.

Время на экране телефон перевалило за полночь. 00:00. Новый день начался.

И в этой комнате, в этой темноте, в этом городе, где мартовский снег таял на асфальте, а ветер выл в трубах, никто не знал, что Илья Савельев был не первым.

И не последним.

Человек в сером пальто прошел еще два квартала, остановился у старой машины — черного «Фольксвагена» с номерами другого региона. Открыл дверь, сел за руль. Завел двигатель. В зеркале заднего вида он увидел свое лицо — спокойное, без единой морщины, без тени беспокойства.

Он посмотрел на часы. 00:03.

На перчаточном сиденье лежала папка с надписью «УДО 409». Он открыл ее, достал список. Семь фамилий. Пять уже были зачеркнуты. Савельев — шестой.

Седьмой был через две недели.

Но не только он. В списке, под семью фамилиями, было еще одно имя. Не в колонке «свидетели», а в колонке «препятствие». Там стояла фамилия, написанная от руки: «Ковалёв Е.С.».

Человек в сером пальто посмотрел на эту фамилию, затем достал ручку и обвел ее кружком.

— Это только начало, — сказал он тихо.

Машина тронулась с места, и через минуту черный «Фольксваген» исчез в ночи, слился с темнотой улиц, оставив после себя только влажный след шин на мокром асфальте.

В подъезде номер 4 на улице Кузнецова было тихо.

На третьем этаже, в квартире с задвинутым засовом, на столе лежал лист бумаги с решением суда. Подпись: Лаврентьев И.П. Номер: 409.

На полу, у порога, лежал телефон с треснутым экраном, на котором все еще горело сообщение: «*Ты не выйдешь. Ты уже мёртв, Илья*».

Тишина.

Только где-то в подвале завывала труба, и ветер бился в окно, и снег таял в лужах, подставляя свои белые бока черной воде.

ЧАСТЬ 1. ПЫЛЬ НА ПАПКЕ

ГЛАВА 1

Весеннее утро в Томске было серым и нерешительным. Снег почти сошел, обнажив грязные газоны и мокрый асфальт, но небо висело низко, затянутое плотными облаками, которые давили на город тяжелой сыростью. По проспекту Ленина тянулись машины, автобусы фыркали на остановках, и редкие прохожие кутались в воротники, словно не веря, что апрель действительно наступил.

В адвокатском бюро «Ковалёв и партнёры» было сухо и тепло, пахло кофе и свежей бумагой. Офис занимал второй этаж старого здания на проспекте, с высокими потолками и лепниной на стенах, которую никто не реставрировал со времен революции. Евгений Ковалёв сидел в своем кабинете за массивным дубовым столом, который достался ему от предыдущего владельца вместе с должностью партнера, и разбирал утреннюю почту.

За окном шумел город, но здесь, внутри, было тихо. Только тиканье настенных часов, шелест бумаги и гул старого кондиционера, который работал с перебоями, напоминали о времени.

Евгений не поднимал головы уже час. На столе лежали три папки, судебные повестки, запросы и письма. Обычное утро для адвоката по уголовным делам, специализирующегося на обжаловании приговоров и условно-досрочном освобождении. Работа рутинная, однообразная, но она кормила семью и приносила стабильный доход. В последние годы Евгений почти не брал сложных дел — просто проверял документы, ставил подписи, отправлял запросы. Бумаги, бумаги, бумаги.

Он снял очки, потер переносицу. Ему было сорок один год, и последние пять лет он чувствовал их все более отчетливо. Морщины у глаз, седина в темных волосах, усталость в плечах, которая не проходила даже после выходных. Он выглядел старше своих лет, и сам это знал. В зеркале, висящем на стене напротив стола, отражался мужчина с жесткой линией рта, внимательным взглядом и вечной нахмуренностью на лбу. Евгений не любил этот взгляд, но ничего не мог с собой поделать.

Отец говорил ему: «Ты весь в меня, Женя. Вечно сомневаешься и проверяешь. Но это хорошо. Плохие следователи — те, кто верит на слово». Отец был следователем в прокуратуре, и Евгений пошел в право, чтобы «исправлять ошибки», как тот завещал. Но отец умер в 2010 году от инфаркта, не дожив до пенсии, и Евгений остался с его словами, его книгами, его принципами. Он часто вспоминал их, особенно когда брался за дело, которое казалось слишком чистым.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Евгений, не поднимая головы.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула секретарь, невысокая женщина в очках с толстыми линзами, которую звали Ирина Константиновна. Она работала в бюро почти двадцать лет и помнила еще отца Евгения, хотя никогда о нем не говорила. Она держала в руках тонкую папку с яркой наклейкой «СРОЧНО» на обложке.

— Евгений Сергеевич, вам из суда принесли. Документы по УДО.

— Оставьте на столе, — сказал Евгений, кивая на стопку других папок.

Ирина Константиновна положила папку на самый верх, задержалась на мгновение, словно хотела что-то сказать, но передумала, и вышла, прикрыв за собой дверь. Евгений не обратил на это внимания — он уже переключился на следующее письмо, которое требовало ответа.

Прошло еще полчаса.

Кофе остыл в чашке. Евгений разобрал почти все бумаги, осталась только та, последняя папка с наклейкой «СРОЧНО». Он взял ее, открыл, пробежал глазами по тексту. Дело №409. Условно-досрочное освобождение заключенного Максима Зуева, 1988 года рождения, осужденного по статье 161 УК РФ — грабеж.

Характеристика положительная: работал на производстве, нарушений не имел, к административной ответственности не привлекался. Отбыл две трети срока. Судья Лаврентьев Игорь Петрович принял решение об УДО.

Евгений взял ручку, уже собираясь поставить подпись — это была просто формальность, адвокат подтверждает законность процедуры, все документы в порядке, зачем тратить время? — но рука замерла.

Лаврентьев. Он знал эту фамилию. В прошлом году было похожее дело, тоже УДО, тоже судья Лаврентьев. Там был какой-то странный случай, Евгений помнил, как один из коллег упоминал, что подопечный после освобождения не явился на регистрацию. Но тогда его это не заинтересовало. Просто бумаги, просто рутина.

Что-то щелкнуло в голове. Что-то, что он не мог объяснить. Отец говорил: «Если чувствуешь запах гнили — проверь. Не верь бумажкам. Верь нюху».

Евгений отложил ручку и открыл на компьютере базу данных бюро. Ввел в поиске «Лаврентьев И.П.» и «УДО» за последние три года. Результат появился через три секунды.

Семь дел.

Семь человек, которых судья Лаврентьев выпустил по УДО.

Евгений просмотрел их одно за другим. Иванов, Смирнов, Петров, Васильев, Кузнецов, Волков, и вот — Зуев. Все мужчины, все 35–50 лет, все осуждены за разные преступления, но все получили УДО от одного судьи. Семь человек за три года. Не так много, но странно — Евгений не помнил, чтобы когда-то замечал такое количество дел с одним судьей.

Он открыл интернет, ввел первую фамилию — Иванов. Новостей не было. Ввел вторую — Смирнов. Тоже ничего. Но когда он ввел третью, Петров, — нашел короткую заметку в местной газете: «Петров В.И., освобожденный по УДО, погиб в ДТП спустя восемь месяцев». Евгений нахмурился.

Он начал проверять всех по очереди. Васильев — сердечный приступ через одиннадцать месяцев. Кузнецов — утонул на рыбалке через четыре месяца. Волков — передозировка через два месяца. Смирнов — самоубийство через шесть месяцев. Иванов — падение с высоты через девять месяцев.

Семь человек.

Семь смертей.

Все после УДО.

Евгений откинулся на спинку кресла. В кабинете было тихо, только кондиционер гудел за спиной. Он смотрел на список на экране, перечитывал даты смертей, сверял их с датами освобождения. Все умерли в течение года. Максимальный промежуток — одиннадцать месяцев, минимальный — два.

Совпадение?

Он не верил в совпадения. Отец не верил в них. Ни один следователь не верит в совпадения. Евгений закрыл базу данных, взял папку с делом Зуева, перечитал ее еще раз. Все чисто. Все правильно. Судья Лаврентьев, характеристика, отбытый срок. Но если Зуев выйдет через две недели — он станет восьмым.

Восьмым в списке смертей.

Евгений посмотрел на телефон. Надо позвонить в суд, запросить копии документов, проверить, не было ли у этих людей общего. Он поднял трубку, набрал номер суда.

В этот момент его мобильный завибрировал.

Сообщение.

Евгений опустил трубку, взял телефон. Экран засветился, показывая уведомление с незнакомого номера. Он открыл сообщение.

«Не лезь в дела Лаврентьева, Ковалёв. Живи долго».

Евгений замер.

Пальцы сжали телефон. Он перечитал сообщение дважды, потом трижды. Текст был простой, без ошибок, без эмоций. Номер не сохранялся в контактах, не определялся оператором — просто цифры, за которыми ничего не было.

Евгений медленно опустил телефон на стол, снова взял трубку, но теперь уже не набирал номер. Он смотрел в стену, на портрет отца, который висел над сейфом. На портрете отец был молодым, в форме, с жестким взглядом и той же нахмуренностью на лбу, что у Евгения. Отец смотрел на него, и Евгений слышал его голос: «Если чувствуешь запах гнили — проверь».

Он провел рукой по лицу, потер уставшие глаза. В комнате было тихо, только часы тикали на стене, отмеряя секунды. Евгений посмотрел на папку с делом Зуева, потом на телефон с сообщением.

Кто-то знал, что он копает.

Кто-то смотрел на него.

Он поднял трубку, снова набрал номер суда, но нажал отбой, так и не дождавшись ответа. Мобильный лежал на столе темным камнем, и Евгений не мог отвести от него глаз.

Сообщение было отправлено минуту назад. Минуту, когда он держал трубку. Кто-то ждал этого момента. Ждал, когда он попытается позвонить.

Евгений поднял голову, посмотрел на дверь, потом на окно. За окном был город — серая мгла, мокрые крыши, провода, облепленные каплями дождя. На противоположной стороне улицы стояла машина, черный седан, которого он не видел раньше. Или он просто не обращал внимания?

Он не знал.

Но что-то в воздухе изменилось. Запах гнили стал острее, отчетливее. Отец не ошибался. И он не ошибется.

Евгений взял папку с делом Зуева, положил ее в ящик стола, закрыл. Затем взял мобильный, перечитал сообщение еще раз, но не удалил. Оставил. Как напоминание.

В кабинете снова стало тихо. Только дождь начал стучать в стекло, и в этом стуке было что-то настойчивое, тревожное. Евгений сжал ручку в кулаке, чувствуя, как мышцы напряглись. Он не знал, кто прислал сообщение. Не знал, связан ли Лаврентьев с убийствами. Не знал, чем это кончится.

Но он знал одно: он не остановится.

Потому что остановиться было бы предательством. Отца. Его слов. Всего того, во что он верил.

Евгений открыл ящик, достал папку с делом Зуева, снова пролистал документы, нашел номер решения суда. 409. Это было важно. Он чувствовал, что это важно. Он записал этот номер на стикере, приклеил к монитору, чтобы не забыть.

Затем он закрыл папку, отодвинул ее на край стола и взял другую — пустую, для нового дела. Он начал собирать информацию. Он не знал, как далеко зайдет, но знал, что уже не может остановиться.

Телефон на столе потемнел. Сообщение больше не приходило. Но тишина в кабинете стала тяжелой, как гравий.

Евгений поднял глаза к портрету отца и почти беззвучно сказал:

— Я проверю, пап. Я все проверю.

За окном дождь усилился, забарабанил по стеклу, и город исчез в серой пелене, оставив только звук воды, стекающей по желобу, и тиканье часов, и тишину, в которой пряталась угроза.

Евгений снова взял телефон, провел пальцем по экрану. Сообщение от неизвестного номера все еще было открыто. Он хотел закрыть его, но что-то заставило его посмотреть на номер еще раз. Незнакомые цифры. Обычный номер, девятизначный, как у всех. Но в конце, после последней цифры, стояла точка.

Не пробел. Не запятая. Точка.

Евгений смотрел на нее, и пальцы похолодели. Он перечитал номер — 89025551409. Точка после девятки. Он проверил свой контакт-лист — ни у одного номера не было точки в конце. Это была не ошибка набора. Это был знак.

Он перечитал сообщение в третий раз. «Не лезь в дела Лаврентьева, Ковалёв. Живи долго». Семь слов. Два имени. Точка после номера.

Евгений поднял голову, посмотрел на монитор. На стикере, который он только что приклеил, было написано: «409».

Телефон в руке был холодным. Он посмотрел на экран. Сообщение отправилось с номера, который заканчивался на 409.

Евгений перевел взгляд на папку с делом Зуева, лежащую в ящике стола. Там, на обложке, был тот же номер. 409.

Он медленно положил телефон на стол, чувствуя, как по спине пробежал холод. Он не понимал, что это значит. Совпадение? Нет. Отец говорил: «Не верь совпадениям». Он не верил.

Телефон снова завибрировал. Евгений не хотел смотреть, но пальцы сами потянулись к экрану.

Новое сообщение. Тот же номер. Текст был коротким — всего одно слово.

«Умный».

Евгений сжал телефон в кулаке, чувствуя, как пластик врежется в ладонь. Он поднял глаза на портрет отца. Взгляд с портрета был жестким, предупреждающим. И в этом взгляде Евгений прочитал то, что знал с детства: он не один. За ним следили.

Прямо сейчас.

Он медленно повернул голову к окну. Черный седан на противоположной стороне улицы стоял на том же месте. Водитель не выходил, двигатель не работал. Просто машина. Или нет?

Сердце билось ровно и тяжело. Евгений смотрел на седан, и в темноте тонированных стекол ему почудилось движение. Кто-то смотрел на него оттуда. Смотрел и ждал.

Евгений не отвел взгляда. Он не моргнул. Он сидел неподвижно, чувствуя, как воздух в кабинете становится плотным, тяжелым, как перед грозой. Телефон в руке нагрелся от его пальцев, но он не отпускал его.

На столе лежала папка с делом №409. В ящике — копия решения судьи Лаврентьева. На мониторе — список семи мертвецов. В руке — телефон с сообщением от человека, который знал, что он делает.

Евгений перевел дыхание. Он все еще не знал, что это значит. Но он знал одно: он уже в игре. И выйти из нее не сможет. Даже если захочет.

За окном дождь хлестал по стеклу, и серая пелена скрыла черный седан, растворила его в мокром апрельском утре. Но Евгений знал — машина не уехала. Она ждала.

Как и он.

ГЛАВА 2

Евгений сидел в переговорной и смотрел на телефон, который лежал на столе перед ним. В кабинете было тихо, только часы на стене отмеряли секунды с мерным, настойчивым тиканьем. За окном дождь все еще моросил, но уже не так сильно, как час назад. Серая пелена над городом начала редеть, и кое-где сквозь нее пробивались бледные лучи апрельского солнца.

Он отодвинул от себя пустую чашку из-под кофе, которую ему принесла Ирина Константиновна, и взял трубку городского телефона. Мобильный лежал рядом, экран погас, но он чувствовал его присутствие, как чувствуют зажившую рану — она не болит, но ты знаешь, что она там. Сообщения с незнакомого номера он не удалил. Оставил. Как напоминание о том, что он уже не просто адвокат, оформляющий бумаги.

Он набрал номер суда. Трубку взяли после второго гудка.

— Областной суд, приемная, — раздался женский голос, усталый и равнодушный.

— Здравствуйте, — сказал Евгений, стараясь говорить ровно, буднично, как будто он звонил по сотовому делу за сегодня. — Это адвокат Ковалёв из бюро «Ковалёв и партнёры». Мне нужна информация по делу №409. Условно-досрочное освобождение Зуева Максима.

— Одну минуту, — голос пропал, слышны были только щелчки клавиатуры. Евгений ждал, сжимая трубку. В соседнем кабинете кто-то разговаривал, но звук доносился приглушенно, как сквозь вату.

— По делу Зуева все документы переданы, — сказала секретарь. — Решение принято, судья Лаврентьев подписал.

— Я хотел бы запросить копии материалов, — сказал Евгений. — Для проверки процедуры.

Секундная пауза. Затем голос стал менее равнодушным и более настороженным:

— Копии дел сейчас не выдаются. Архив на реставрации, извините. Обратитесь через две недели.

— А судья Лаврентьев? — спросил Евгений. — Я мог бы с ним связаться?

— Игорь Петрович в отпуске. До пятнадцатого апреля. Оставьте заявку, я передам его помощнику.

Евгений почувствовал, как что-то сжалось внутри. Слишком чисто. Слишком ровно. Секретарь отвечала без запинки, как будто знала, что он позвонит. Как будто ждала.

— Хорошо, — сказал он. — Я оставлю заявку.

— Заявки принимаются только в письменном виде, — ответила секретарь. — Пришлите по факсу или через электронную приемную.

Евгений положил трубку и долго смотрел на нее. В письменном виде. Через электронную приемную. Любой запрос будет зарегистрирован, и тот, кто отправил ему сообщение, узнает об этом раньше, чем сам Евгений получит ответ. Он отодвинул телефон и провел рукой по лицу.

Валерий Михайлович будет ждать его в переговорной. Старший партнер вызвал его сразу после того, как секретарь сообщила, что Евгений интересовался делами Лаврентьева. Евгений знал, что это не случайно. В этом бюро стены были тоньше, чем казалось, и информация распространялась быстрее, чем он успевал ее обрабатывать.

Он встал, поправил пиджак и вышел в коридор. Прошел мимо кабинетов младших юристов, мимо комнаты для совещаний, мимо кулера с водой, у которого стояла Ирина Константиновна и разговаривала с кем-то по телефону. Она проводила его взглядом, но ничего не сказала.

Переговорная находилась в конце коридора, за двойными стеклянными дверями. Евгений вошел, и сразу же почувствовал разницу в воздухе — здесь было холоднее, пахло полировкой для мебели и бумагой. Валерий Михайлович сидел во главе длинного овального стола,

положив руки на стопку документов. Ему было под шестьдесят, седые волосы зачесаны назад, лицо с глубокими морщинами, как у человека, который слишком долго носил очки и слишком много работал. Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Садись, Евгений, — сказал он, указав на стул рядом.

Евгений сел. Валерий Михайлович посмотрел на него поверх очков, и в этом взгляде было что-то отеческое, но одновременно предупреждающее. Он разжал пальцы, и документы на столе стали видны — это были копии запросов, которые Евгений делал по делу №409.

— Я слышал, ты интересовался делами Лаврентьева, — сказал Валерий Михайлович без предисловий.

— Я проверял одно дело, — ответил Евгений. — УДО Зуева. Там есть странности.

— Странности? — Валерий Михайлович снял очки, положил их на стол. — Какие странности?

Евгений помедлил. Он знал, что если скажет правду — о семи умерших, о номере 409, о сообщении, — Валерий Михайлович закроет тему раз и навсегда. Старший партнер не любил сложностей. Он любил стабильность, деньги и покой. И он знал, что бюро имело контракты с судом на два миллиона рублей в год. Лаврентьев был частью этой системы.

— Я нашел семь дел, — сказал Евгений осторожно. — Все подписаны Лаврентьевым. Все получили УДО. Все умерли в течение года после освобождения.

Валерий Михайлович посмотрел на него с выражением, которое трудно было прочитать. Затем он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Евгений, — сказал он медленно, как будто объяснял что-то очевидное ребенку. — Ты работаешь здесь пятнадцать лет. Ты знаешь, как устроена система. Лаврентьев — уважаемый человек, судья с тридцатилетним стажем. То, что ты там нашел, — это статистика. Люди умирают. После тюрьмы они умирают даже чаще, чем на свободе. Это факт.

— Семь человек за три года, — сказал Евгений. — Все от одного судьи. Это не статистика, Валерий Михайлович.

— Это статистика, — повторил Валерий Михайлович, и его голос стал жестче. — И я прошу тебя, как старший партнер и как человек, который тебя помнит еще зеленым юристом, — оставь это. Не лезь. У нас есть контракты, есть обязательства, есть репутация. Если ты начнешь копать под Лаврентьева, мы потеряем все.

— А если он причастен к смерти людей? — спросил Евгений, глядя ему в глаза.

Валерий Михайлович на секунду задержал взгляд, затем отвел его. Он взял очки, надел, снял, снова положил на стол.

— Если он причастен, — сказал он тихо, — то это вопрос к прокуратуре. К полиции. Не к нашему бюро. Ты адвокат, Евгений. Ты не следователь. Ты не детектив. Твоя работа — оформлять бумаги и защищать права своих клиентов. У тебя нет клиента в этом деле. У тебя только подозрения.

Евгений сидел молча, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Он знал, что Валерий Михайлович прав в одном — у него нет прямых доказательств. Только список фамилий, только заметки в газетах, только сообщение, которое он не показывал никому. И отец. Он вспомнил отца, каким тот сидел за своим столом в прокуратуре, с папками, с фотографиями, с той же нахмуренностью на лбу. Отец говорил: «Если пахнет гнилью — проверь. Не верь бумажкам. Верь нюху».

— Я понимаю, — сказал Евгений, поднимаясь. — Я оставлю это дело.

Валерий Михайлович посмотрел на него с недоверием, но кивнул.

— Хорошо, Евгений. Я знаю, что ты сделаешь правильно.

Евгений вышел из переговорной, закрыл за собой дверь и остановился в коридоре. Стекланные стены переговорной отражали его лицо — бледное, с жесткой складкой у рта. Он постоял секунду, затем повернулся и пошел в свой кабинет.

Он закрыл дверь изнутри, опустил жалюзи на окнах, снял пиджак и повесил его на спинку стула. Затем сел за стол и посмотрел на монитор. На стикере, приклеенном к экрану, было написано: «409». Он смотрел на эти три цифры, и они казались ему иероглифами, которые он не мог прочесть. Но он знал — там был смысл. Был код. Была тайна.

Евгений открыл ящик стола, достал папку с делом Зуева, положил перед собой. Затем он выдвинул соседний ящик, где лежал старый телефонный справочник, который никто не использовал уже лет пять. Он взял его, открыл на букву «И». Иванов. Первый из списка.

Он нашел номер. Домашний. Старый, еще проводной, который, возможно, даже работал. Евгений взял телефонную трубку, набрал номер. Длинные гудки. Один, второй, третий. Он уже хотел положить трубку, когда на том конце подняли.

— Алло? — женский голос, хриплый, как будто она только что проснулась или давно не пила воду.

— Здравствуйте, — сказал Евгений. — Это квартира Иванова Василия?

Тишина. Затем голос стал напряженным:

— Кто это?

— Адвокат Ковалёв, — ответил Евгений. — Я занимаюсь делом о... о некоторых документах по УДО. Я хотел бы поговорить с родственниками Василия.

Снова тишина. Евгений слышал, как женщина дышит в трубку — неровно, прерывисто. Затем она сказала:

— Вася умер. Вы знаете.

— Я знаю, — сказал Евгений тихо. — Мне очень жаль. Я хотел бы спросить — у него были какие-то документы после освобождения? Конверты, письма?

Женщина закашлялась, и в этом кашле было что-то надрывное, болезненное.

— Вы про Васю? — сказала она. — Его убили. Я знаю, что убили. Все знают. Но никто не говорит.

— Кто убил? — спросил Евгений, сжимая трубку.

— Я не знаю, — ответила женщина, и голос ее сорвался, стал почти шепотом. — Он пришел домой, весь белый. Трясся. И сказал: «Наташа, я не могу. Они идут за мной». Я спросила, кто. Он сказал: «Те, кто знает номер». И показал мне конверт. Там было пусто, только номер. 409.

Евгений замер. Сердце билось в груди тяжело и часто.

— Что было в конверте? — спросил он.

— Ничего, — сказала Наталья. — Только бумага. И номер. Он сказал: «Это проклятие. Я думал, что вышел, а я не вышел». И через неделю его нашли на стройке. Упал с лесов. Сказали — несчастный случай. Но я знаю, Ковалёв. Я знаю, что это не случай.

— Вы сохранили конверт? — спросил Евгений.

— Сохранила, — сказала Наталья. — Я храню всё. На всякий случай. Они не должны были его убивать. Он ничего не сделал. Он просто был свидетелем. Он видел то, что должен был видеть.

— Свидетель чего? — спросил Евгений, но на том конце что-то хлопнуло, будто упала трубка. Затем послышалась возня, и голос Натальи стал дальше, как будто она отодвинулась от телефона.

— Вы слышали? — сказала она. — Я храню все. Но они узнали. Они знают, что я храню. И я боюсь, Ковалёв. Я очень боюсь.

— Наталья, — сказал Евгений, стараясь говорить спокойно. — Назовите адрес. Я приеду. Мы поговорим. Я помогу.

— Вы не поможете, — сказала она, и в голосе ее была такая глубокая, такая древняя усталость, что у Евгения сжалось горло. — Никто не может помочь. Только Бог. И вы даже не знаете, во что влезли.

Она закашлялась, потом снова закашлялась, и Евгений услышал, как она пытается перевести дыхание.

— Наталья, — повторил он. — Адрес.

Она назвала адрес. Улица Советская, общежитие номер два. И сразу после этого в трубке раздался щелчок — не тот, когда вешают трубку, а другой, резкий, как будто кто-то нажал на рычаг. Затем — тишина.

Евгений посмотрел на трубку. Связь оборвалась. Он перезвонил — длинные гудки. Никто не брал.

Он положил трубку, посмотрел на телефон в своей руке. Потом перевел взгляд на монитор, на стикер с номером 409. Сердце все еще колотилось, и он чувствовал, как кровь стучит в висках.

«Это проклятие. Я думал, что вышел, а я не вышел».

Он сжал кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Потом открыл блокнот и записал адрес Натальи Савельевой. Улица Советская, общежитие номер два.

Он посмотрел на часы. 11:15. Он поднялся, взял пиджак, накинул его на плечи. Остановился на секунду у двери, посмотрел на портрет отца. Тот смотрел на него с высоты, с того самого места, где висел над сейфом. Взгляд отца был жестким, и губы были сжаты, как перед тем, как он говорил свои самые важные слова.

Евгений услышал его голос в голове, отчетливо, как будто отец стоял рядом:

«Если пахнет гнилью — проверь».

Он открыл дверь, вышел в коридор. Ирина Константиновна стояла у кулера с водой и разговаривала с младшим юристом. Она посмотрела на него с удивлением, когда он прошел мимо.

— Евгений Сергеевич, у вас в час совещание, — сказала она.

— Отмените, — сказал Евгений, не останавливаясь.

Он прошел к выходу, открыл дверь и вышел на улицу. Прохладный влажный воздух ударил в лицо, смешавшись с запахом мокрого асфальта и выхлопных газов. Евгений глубоко вдохнул, чувствуя, как легкие наполняются холодной сыростью. Затем он достал телефон, открыл карту, ввел адрес и пошел к машине, стоящей на парковке в нескольких метрах.

У него было чувство, что он уже опоздал. Что кто-то знает о его звонке. Что он не успеет. Он сел в машину, завел двигатель и тронулся с места. В зеркале заднего вида он увидел, как черный седан, который стоял напротив офиса, тоже тронулся с места. Тот же седан. Те же номера. Он был уверен.

Евгений сжал руль и нажал на газ. Седан не отставал. Он знал, что едет не просто к адресу Натальи. Он едет в ловушку. Но он не мог остановиться.

Потому что гниль пахла все сильнее.

ГЛАВА 3

Улица Советская встретила Евгения запахом сырости и старого асфальта. Дом номер два оказался типичной хрущёвкой — пятиэтажной, серой, с облупившейся штукатуркой на фасаде и ржавыми трубами водостока, которые висели криво, как перебитые конечности. Двор был заставлен старыми машинами, детская площадка пустовала, только качели скрипели на ветру, и редкие прохожие проходили мимо, не глядя по сторонам.

Евгений припарковался у самого подъезда, заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на обшарпанную дверь. За спиной, на проспекте, остался черный седан, который преследовал его от самого офиса, но теперь, на этой тихой улочке, его не было видно. Или он просто спрятался. Евгений не знал. Он выключил зажигание, взял с пассажирского сиденья папку, которую захватил с собой, и вышел из машины.

Ветер ударил в лицо, влажный и холодный, пахнувший землей и прелыми листьями. Евгений поднял воротник пиджака и пошел к подъезду. Дверь была приоткрыта, замок сломан, и на косяке кто-то нацарапал ножом цифры, которые уже стерлись от времени. Он толкнул дверь плечом и шагнул внутрь.

В подъезде было темно. Лампочка на первом этаже не горела, и единственный свет проникал через грязное окно на лестничной клетке, разбрасывая серые пятна по стенам с облупившей краской. Пахло кошками, сыростью и дешевым табаком. Где-то наверху хлопнула дверь, и звук эхом разнесся по лестнице.

Евгений начал подниматься. Квартира Натальи Савельевой находилась на третьем этаже, и он знал это, потому что записал адрес в блокнот, перепроверил дважды. Дверь была старой, с облупившейся краской и номером 34, который держался на одном гвозде. Он постучал.

Тишина. Затем шаркающие шаги, и голос за дверью — тот же хриплый голос, который он слышал по телефону:

— Кто там?

— Адвокат Ковалёв, — сказал Евгений. — Мы говорили по телефону. Я приехал, как обещал.

Замок щелкнул, и дверь приоткрылась. В щель выглянуло лицо женщины — ей было около пятидесяти, но выглядела она старше. Серые, безжизненные волосы были собраны в небрежный пучок, лицо бледное, с темными кругами под глазами и глубокими морщинами у рта. Она смотрела на него с подозрением, но затем распахнула дверь шире.

— Входите, — сказала она. — Только быстро.

Евгений шагнул внутрь. Квартира была маленькой, тесной, заставленной вещами, которые, казалось, накопились здесь за десятилетия. Старый диван с вытертой обивкой, книжный шкаф, забитый книгами и журналами, на стенах — ковры, которые уже выцвели и потеряли цвет. В углу стояла клетка с попугаем, который дремал, уткнув голову в крыло. Запах табака и кошек был настолько сильным, что Евгений почувствовал, как перехватило дыхание.

Наталья Савельева закрыла дверь, задвинула засов, хотя это казалось бессмысленным — замок был старый, и любой, кто захотел бы войти, мог бы выбить его с первого удара. Она прошла на кухню, и Евгений последовал за ней. Кухня была еще меньше, с плитой, которая не работала, и столом, заваленным пустыми бутылками и пепельницами, полными окурков.

— Садитесь, — сказала она, указывая на табурет. — Я сейчас.

Она открыла верхний шкафчик и достала оттуда конверт. Обычный бумажный конверт, белый, без марок, без обратного адреса. Она положила его на стол перед Евгением, и он увидел, что ее руки дрожат.

— Вот, — сказала она. — Это то, что я нашла в его вещах.

Евгений взял конверт, повертел в руках. Он был пустым. Он открыл его, заглянул внутрь — ничего. Только номер, написанный от руки на лицевой стороне: 409. Цифры были выведены аккуратно, черной ручкой, без помарок.

— Вы видели его раньше? — спросил Евгений. — Этот конверт?

— Вася принес его домой через неделю после освобождения, — сказала Наталья, садясь напротив. — Он был белый, как мел. Я спросила, что случилось. Он сказал, что ему передали это письмо. В конверте ничего не было. Только номер. Он сказал, что это знак.

— Знак чего? — спросил Евгений.

— Он не сказал, — ответила Наталья. — Он только сказал: «Они идут за мной, Наташа. Я видел это в письме». Но письма не было. Я видела. Я вытряхнула конверт, там ничего не было. Только пыль. И он все равно говорил, что они идут. Он перестал спать. Он сидел в этой комнате, не выходил, смотрел в окно. Говорил, что видит их. Серое пальто. Он говорил: «Они уже здесь, Наташа. Я чувствую их запах».

— Кто они? — спросил Евгений, хотя уже догадывался.

— Я не знаю, — сказала Наталья, и ее голос дрогнул. — Может, те, кто сидел с ним? Может, те, кто дал ему конверт? Он не говорил. Он просто трясся и смотрел в окно. А потом через неделю его нашли на стройке.

— Вы сказали по телефону, что это не несчастный случай, — напомнил Евгений.

— А это и не случай, — сказала Наталья, и в ее глазах вспыхнула злость, которая тут же погасла, сменившись усталостью. — Он боялся высоты, Ковалёв. Он всегда боялся высоты. Мы жили на третьем этаже, и он даже на балкон не выходил. А тут — стройка. Седьмой этаж. И он полез на леса. Зачем?

— Может, он хотел что-то проверить? — предположил Евгений.

— Он ничего не хотел проверять, — сказала Наталья. — Он хотел спрятаться. Он хотел сбежать. Но они нашли его. И он упал. Только его никто не толкал. Он сам упал. Как будто его позвали.

Евгений молчал, держа конверт в руках. Он чувствовал его вес — почти невесомый, но при этом такой тяжелый, что пальцы немели. Номер 409 смотрел на него с бумаги, и он знал, что этот номер был ключом. Ключом к чему-то, что он еще не понимал.

— Вы знаете, что этот номер означает? — спросил он.

Наталья покачала головой.

— Я знаю только, что он убил моего мужа. И что он был у других. Я слышала, соседи говорили. В доме есть люди, которые тоже видели эти конверты. Но они молчат. Все молчат.

— Где живут эти люди? — спросил Евгений.

— В этом доме, — сказала Наталья. — На втором этаже, в тридцать второй квартире. Старик Семенов. Он тоже сидел. Тоже вышел по УДО. И тоже получил конверт. Но он еще жив.

Евгений кивнул, мысленно запоминая адрес.

— Можно я возьму конверт? — спросил он. — На экспертизу. Может быть, там есть отпечатки, анализ бумаги.

Наталья посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом, и в ее глазах была такая глубокая усталость, что Евгений почувствовал, как его сердце сжалось.

— Заберите, — сказала она. — Мне он больше не нужен. Он мне ничего не дал, кроме страха. Заберите и уйдите. И не приходите больше.

— Я не хочу причинять вам боль, — сказал Евгений. — Но если есть кто-то, кто убивает людей, я должен это остановить.

— Остановить? — Наталья усмехнулась, но в усмешке не было веселья, только горечь. — Вы не остановите их, Ковалёв. Вы даже не знаете, кто они. Вы — адвокат. Вы смотрите на бумаги. Вы видите цифры. Но вы не видите их лиц. Я видела. Я видела того, кто убил моего

мужа. Он стоял здесь, в этой квартире. Я видела его в окно, когда он уходил. Он был в сером пальто. И он улыбался.

Евгений замер. В груди стало холодно, как будто он выпил ледяной воды.

— Вы его видели? — спросил он. — После смерти Васи?

— За неделю до смерти, — сказала Наталья. — Вася показал мне на него в окно. Он сказал: «Вот он, Наташа. Это он принес конверт». Я выглянула, но мужчина уже уходил. Я видела только спину. Серое пальто. Он шел не спеша, как будто знал, что его никто не остановит.

— Вы запомнили его лицо?

— Нет, — сказала Наталья. — Я видела только спину. Но Вася запомнил. Он сказал, что тот человек приходил к нему в колонию. В 2010 году. Он приносил бумаги. Вася подписал. И после этого он не был спокоен ни одного дня.

Евгений почувствовал, как в груди разрастается холод. 2010 год. Тот же год, когда умер его отец. Он сжал конверт в руке и почувствовал, как бумага хрустнула.

— Я разберусь, — сказал он. — Я обещаю.

— Не обещайте, — сказала Наталья. — Вы не можете обещать. Вы не знаете, на что идете.

Она поднялась, и Евгений понял, что разговор окончен. Он встал, взял конверт, положил в папку. Наталья проводила его до двери, но не открыла сразу. Она стояла с рукой на замке и смотрела на него.

— Берегите себя, Ковалёв, — сказала она. — Они уже знают, что вы здесь. Они уже видят вас.

Она открыла дверь, и Евгений шагнул на лестничную площадку. Дверь захлопнулась за его спиной, и он услышал, как щелкнул засов.

Он стоял на лестнице, держа папку с конвертом, и чувствовал, как воздух вокруг него становится плотным. В подъезде было тихо, только где-то наверху хлопнула дверь, и звук эхом разнесся по лестнице. Евгений начал спускаться, но на середине лестницы остановился.

Он слышал шаги. Сверху. Кто-то спускался по лестнице, и шаги были легкими, почти бесшумными. Евгений поднял голову, но никого не увидел. Только тень на стене, которая двигалась с ним параллельно.

Он ускорился, шаги ускорились тоже. Он вышел на лестничную площадку второго этажа и остановился. Тишина.

Евгений повернулся, посмотрел на дверь квартиры номер 32 — ту, где жил Семенов. Он хотел постучать, но что-то остановило его. Чувство, которое он не мог объяснить. Чувство, что за ним наблюдают.

Он поднял голову.

На втором этаже, у окна, которое выходило на улицу, стояла фигура.

Мужчина в сером пальто.

Он стоял неподвижно, глядя на Евгения. В руках он держал сигарету, и дым тонкой струйкой поднимался к потолку. Лицо его было спокойным, почти безразличным, но на губах играла легкая улыбка — не злая, не насмешливая, а какая-то другая, понимающая.

Евгений замер. Он смотрел на мужчину, и мужчина смотрел на него. Секунда, две, три.

Затем мужчина отвел взгляд, развернулся и исчез в тени, растворился в темноте коридора, как будто его и не было.

Евгений стоял, не дыша, чувствуя, как сердце колотится в груди, и холодный пот катится по спине. В руках он сжимал папку с конвертом, и конверт казался ему тяжелее, чем был на самом деле.

Он знал, что это не совпадение. Это был сигнал.

Евгений быстро спустился вниз, вышел из подъезда, вдохнул свежий воздух и оглянулся. Никого. Только мокрый асфальт, припаркованные машины и его собственный «Фольксваген» у обочины.

Он подошел к машине, открыл дверь, сел за руль и долго сидел неподвижно, глядя на подъезд. Он знал, что фигура в сером пальто была там. Он знал, что она видела его. И он знал, что она ждала его.

Евгений завел двигатель и тронулся с места. В зеркале заднего вида он увидел, как на втором этаже зажегся свет в окне.

Он нажал на газ и уехал, чувствуя, как номер 409 прожигает дыру в папке, лежащей на соседнем сиденье.

Он не знал, что это было. Но он знал, что это только начало.

ГЛАВА 4

Областной суд встречал посетителей запахом казенного мыла, старого лака и равнодушия. Евгений вошел в высокие двери главного входа, миновал турникет, на котором сидел сонный охранник, и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. В руках он держал папку с документами по другому делу — старому, давно закрытому, но формально все еще числящемуся в работе. Хороший предлог. Никто не станет проверять, действительно ли ему нужен доступ к архиву по делу пятнадцатилетней давности.

Он поднялся на второй этаж, прошел по длинному коридору с высокими потолками и лепниной, и остановился у двери с табличкой «Архив». Дверь была тяжелой, металлической, с облупившейся белой краской и маленьким окошком, затянутым сеткой. Евгений постучал.

— Войдите, — раздался голос, старческий и скрипучий, как несмазанная дверная петля.

Он открыл дверь и шагнул внутрь. Помещение оказалось небольшим, заставленным стеллажами с папками, которые уходили под самый потолок. В углу, за старым письменным столом, сидела женщина в очках с толстыми стеклами. Ей было за шестьдесят, волосы седые, собраны в строгий пучок, лицо изрезано морщинами, как старая карта местности. Она подняла глаза от книги, которую читала, и уставилась на Евгения поверх очков.

— Вы кто? — спросила она без приветствия.

— Адвокат Ковалёв, — сказал Евгений, протягивая удостоверение. — Мне нужен доступ к архиву за 2010–2015 годы. Дело по доверенности моего клиента.

Женщина взяла удостоверение, изучила его так же внимательно, как изучают подозрительный документ на границе. Затем вернула и снова уставилась на Евгения.

— Зинаида Ильинична, — представилась она. — Зачем вам архив?

— Я работаю над одним делом, — сказал Евгений. — Нужно проверить некоторые документы. Старые дела.

— Все дела сданы в электронный архив, — сказала Зинаида Ильинична. — Вы можете запросить их через электронную приемную.

— Я знаю, — сказал Евгений, стараясь говорить спокойно. — Но часть документов за 2010 год была оцифрована не полностью. Мне нужен бумажный оригинал.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и Евгений почувствовал, что она видит его насквозь. Но затем она медленно поднялась из-за стола, взяла связку ключей и направилась вглубь архива.

— Идите за мной, — сказала она. — И не трогайте ничего без моего разрешения.

Архив оказался лабиринтом. Они шли по узким проходам между стеллажами, мимо папок, которые лежали в беспорядке, мимо коробок с пожелтевшими документами, мимо шкафов, закрытых на ржавые замки. В воздухе висела пыль, и Евгений чувствовал, как она оседает на легких. Пахло бумагой, временем и чем-то еще — может быть, плесенью, может быть, просто запахом десятилетий, запертых в этом помещении.

— Дела за 2010 год в конце, — сказала Зинаида Ильинична, указывая на дальний стеллаж. — По алфавиту. Если знаете фамилию — ищите сами. Я буду на месте. Если что-то понадобится — зовите.

Она развернулась и ушла, оставив Евгения одного в пыльном полумраке. Где-то наверху гудела вентиляция, и этот гул был единственным звуком, нарушающим тишину.

Евгений подошел к стеллажу с буквой «З». Папки стояли плотно, и между ними не было даже зазора. Он начал перебирать их, проверяя даты на корешках. 2010, 2011, 2012. Дела за эти годы лежали в беспорядке, некоторые были завязаны шпагатом, другие просто лежали открытые, как будто кто-то брал их незадолго до него.

Он искал дело Зуева. Но дело Зуева, как и говорила секретарь, было в электронном архиве, и бумажной копии здесь быть не должно. Евгений знал это. Но он искал не дело Зуева. Он искал связь.

Он перебирал папки, когда пальцы наткнулись на одну, которая была чуть толще других. На корешке была надпись: «Чумаков И.А.». Евгений замер. Он знал эту фамилию. Чумаков — убитый в 2010 году бизнесмен. Дело, которое вел его отец.

Он вытащил папку, открыл. Внутри были документы — протоколы допросов, фотографии с места преступления, заключения экспертов. Он начал листать их, чувствуя, как внутри нарастает холод. На последней странице была подпись судьи Лаврентьева. И рядом — дата закрытия дела. 28 апреля 2010 года. За недоказанностью.

Евгений смотрел на подпись, и в голове что-то щелкнуло. Он достал телефон, начал фотографировать документы. Сначала протоколы, затем экспертизы, затем подписи. Он делал это быстро, но аккуратно, стараясь не шуметь. В архиве было тихо, только вентиляция гудела, как живой организм.

Он перевернул страницу и увидел список свидетелей. Семь фамилий. Те же семь фамилий, что и в списке умерших. Иванов, Смирнов, Петров, Васильев, Кузнецов, Волков. И в конце — Савельев.

Евгений замер. Это было оно. Это была та самая связь, которую он искал. Все семеро, умершие после УДО, — все они были свидетелями по делу Чумакова. Все они видели что-то, что не должны были видеть. Все они молчали. И все они умерли.

Он сделал еще несколько снимков, затем убрал телефон в карман и закрыл папку. Руки дрожали, и он чувствовал, как адреналин разгоняет кровь. Он знал, что нашел что-то важное. Что-то, что связывало убийство 2010 года со смертями последних лет.

Он поставил папку на место, уже собираясь уходить, когда за его спиной хлопнула дверь. Евгений резко обернулся.

В проеме стоял мужчина в сером пальто.

Тот же силуэт, те же спокойные глаза, та же легкая улыбка на лице. В руках у него была связка ключей, которую он держал легко, как будто они ничего не весили. Он стоял неподвижно, глядя на Евгения, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни страха. Только спокойствие.

— Вы не туда смотрите, адвокат, — сказал он. Голос был низким, ровным, почти без интонации. — Зуев — не ваш клиент. Чумаков — тоже.

Евгений сжал телефон в кармане. Пальцы нащупали кнопку записи, но он не нажал. Слишком поздно. Мужчина уже видел его.

— Кто вы? — спросил Евгений, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Мужчина не ответил. Он просто смотрел на него, и на его лице все еще была эта странная, понимающая улыбка. Затем он развернулся и исчез в темноте коридора.

Евгений шагнул к выходу, но в проеме было пусто. Он выглянул в коридор — никого. Только звук удаляющихся шагов, которые быстро стихли, растворились в гуле вентиляции.

Он сделал шаг назад и наступил на что-то твердое.

Евгений опустил глаза. На полу лежала связка ключей. Та самая, которую держал мужчина. Он поднял их, повертел в руках. Обычные ключи — от дверей, от сейфов, от шкафов. Но на маленьком металлическом брелоке было выгравировано три цифры.

Евгений сжал ключи в кулаке, чувствуя, как металл впивается в ладонь. Он посмотрел в коридор, но там было пусто. Только пыль кружилась в воздухе, и где-то далеко хлопнула дверь.

Он убрал ключи в карман, быстрым шагом прошел по коридору, миновал стеллажи и вышел к столу Зинаиды Ильиничны. Та сидела на месте, читала книгу, и, казалось, не замечала его.

— Я закончил, — сказал Евгений, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нашли нужное? — спросила она, не поднимая головы.

— Да, — сказал Евгений. — Спасибо.

Он уже повернулся к выходу, когда она сказала:

— Вы не первый, кто интересуется делами за 2010 год. Несколько лет назад здесь был следователь. Он тоже искал дело Чумакова. И тоже нашел.

Евгений остановился, медленно повернулся.

— Что с ним случилось? — спросил он.

— Он ушел, — сказала Зинаида Ильинична, поднимая глаза от книги. — Просто ушел. И больше его никто не видел. Иногда люди уходят, адвокат. Потому что понимают, что нашли то, что искали. И это не всегда заканчивается хорошо.

Евгений посмотрел на нее. Ее лицо было спокойным, но в глазах он увидел что-то — может быть, предупреждение, может быть, страх. Она знала. Она все знала.

— Спасибо, — сказал он тихо и вышел.

Он спустился по лестнице, миновал турникет и вышел на улицу. Прохладный воздух ударил в лицо, и он глубоко вдохнул, чувствуя, как легкие очищаются от архивной пыли. Рука в кармане сжимала ключи с брелоком 409.

Евгений сел в машину, завел двигатель, но не тронулся с места. Он сидел, глядя на здание суда через лобовое стекло, и думал о том, что только что произошло. Мужчина в сером пальто. Ключи. Номер 409. И слова Зинаиды Ильиничны о следователе, который исчез.

Он достал телефон, открыл фотографии, которые сделал в архиве. Дело Чумакова. Список свидетелей. Подпись Лаврентьева. Все на месте. Все подтверждает его догадки.

Но он знал, что это еще не всё. Мужчина в сером пальто не просто так оставил ему ключи. Это было послание. Или предупреждение. Евгений не знал, что именно, но чувствовал, что это часть пазла. Большая часть.

Он посмотрел на ключи, лежащие на пассажирском сиденье. На брелоке — 409. Те же цифры, что и на конверте. Те же цифры, что и в деле Зуева.

Евгений взял телефон и набрал номер Савичева. Трубку взяли после второго гудка.

— Слушаю, — сказал Савичев.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказал Евгений. — По делу Чумакова.

Наступила тишина. Затем Савичев сказал:

— Встретимся. Через час. В кафе у Белого озера.

Евгений сбросил вызов и посмотрел на ключи. Брелок с номером 409 мерцал в тусклом свете, пробивающемся сквозь облака. Он сжал его в руке, чувствуя холод металла, и завел двигатель.

Он не знал, что значит этот номер. Но он был готов это выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.